

“Прошу простить за беспокойство... миледи, вы уже проснулись?”

Она повернула голову, мазнув безразличным взглядом по горничной, не до конца понимая к кому та обращается.

“...Могу я вам чем – то помочь?”

Ответила она в своей привычной манере, шокировав прислугу.

“Миледи? Вам не нужно обращаться ко мне в уважительной форме, всё – таки это я здесь слуга. Пожалуйста, не утруждайтесь так впредь.”

“...”

Только сейчас она сложила в голове детали картины – перед ней стоит горничная, причём, старше её. Скорее у этой горничной нет повода следить за словами и изображать вежливость.

Тем не менее, её мысли так и не обрели словесное воплощение. Проведя целую ночь в полу – апатичном состоянии, ещё не отошедшая, она старалась совершать как можно меньше действий, дабы не подставить господина.

“...Хорошо, я буду иметь в виду. Поделитесь причиной вашего визита?”

“Безусловно. Я пришла проинформировать миледи о необходимости пробуждения, но, коли вы встали самостоятельно, позвольте хотя бы помочь с утренними процедурами.”

“Я справлюсь самостоятельно.”

“Нет, позвольте мне...”

Несмотря на все попытки скрыть это, горничная была прямо – таки пропитана напряжением, будто перетянутая струна. Похоже дворецкий тщательно проинспектировал её касательно пожеланий графа.

Разумно решив не устраивать скандал без повода, Юни кивнула, дав добро на помощь.

“Во что желаете облачиться сегодня?”

Честно говоря, Юни предпочла бы вернуть назад свою униформу. В идеале, с повязкой главной горничной.

Попав в дом предположительного 'отца' и сменив одежду на пижаму, Юни подверглась ещё большому стрессу, на какое - то время отрешившись от реальности.

Её униформу собственноручно создал господин. Она не боялась вскрытия, ибо то не дало бы никаких подсказок заинтересованным сторонам, но того же не скажешь о экипировке Юни. Дешёвые материалы придавали форме неприметный вид, вот только натренированный взгляд подобным не проведёшь. Тщательно проанализировав особенности одежды, противник мог догадаться о технологическом прогрессе, достигнутом господином и усилить нажим.

К тому же, униформа горничной - ценнейший подарок, дарованной ей господином. Когда Юни исполнилось десять и пришла пора отточить полученные у тренеров навыки на практике, остро встал вопрос о защитной экипировке. Она попросила придать этому форму платья с передником, как вечный символ и напоминание о её службе господину. Запрос удивил Талеса, однако, он всё равно разработал и скроил в кратчайшие сроки настоящий шедевр. С тех пор, по мере роста Юни, общий вид платья оставался неизменным, лишь претерпевая корректировку по длине и внутреннему наполнению.

Это её доказательство памяти о господине.

Пропитанная привязанностью и желанием услужить форма, которую, к сожалению, ей больше никогда не увидеть.

“Миледи?”

“...Мне без разницы. На ваш выбор.”

Поглощённая тяжестью воспоминаний о прошлом, Юни бросила фразу, совершенно не соответствующую её новому статусу. Оставить выбор одежды на кого - то значит возложить на него полную ответственность.

Муки выбора, когда господин поступал в схожем ключе. Она же не могла отказаться или спорить, так что пришлось досконально изучить вопрос современной мужской моды. В последнее же время, Юни взяла привычку консультироваться с Виктором и остальными при любой удобной возможности.

Сделав глубокий вдох, она немного успокоилась.

Снова попытка сбежать. Отказ принять реальность. Лишившись всех статусов, столпов её существования - горничная, авантюрист, даже раб, Юни пугала необычайная пустота внутри. С одной стороны, хорошо, что она успела полностью закончить своё обучение, но как бы её знания не отразились неприятностями для господина.

Расстроив своим поведением графа Картан, Юни даст ему повод атаковать господина,

спасшего и вырастившего её.

“Простите, я сказала не подумав. Дайте мне, пожалуйста, минутку.”

Юни поклонилась горничной, замершей в углу комнаты подобно статуе. Поклон становившийся всё ниже лишь усиливал ужас в глазах прислуги. Уж слишком тяжела благородная голова, чтобы склонять её перед каждым встречным.

“...Не подскажете, где я могу посмотреть варианты?”

“Да, конечно, следуйте за мной.”

Очевидно выдохнув с облегчением, горничная чуть ли не прыжками добралась до огромного шкафа, указав на него Юни. Внутреннего наполнения гардероба хватило бы даже самой притязательной моднице на год вперёд.

Юни подхватила первый попавшийся наряд для сверки размеров и, как ни странно, тот оказался словно сшитым под неё.

“Разве я приехала не прошлой ночью?...”

“Ам, все представленные здесь вещи ранее принадлежали вашей матери, миледи.”

Выпала горничная.

Мать. Анна – Мария. Должно быть граф спрятал их здесь. Чем дальше Юни шла по полкам, тем больше бросалась в глаза устарелость нарядов. К тому же, для благородной леди они выглядели слишком блекло. Хотя, нежелание Анны – Марии привлечь лишнее внимание Юни отлично понимала.

Интересно только как граф скрыл целую комнату с ‘памятью’ от взора официальной жены, Жозефины. Беспринципная и ревнивая женщина, не постеснявшаяся избавиться от конкурентки руками бандитов. Фурия, настоявшая на том, чтобы дочь Анны – Марии изнасиловали и изуродовали прежде чем отдать в рабство. В общем, странно как она не сожгла все эти напоминания о порочном влечении супруга.

“...”

В очередной раз отложив в сторону бессмысленные сейчас размышления, Юни водили глазами из стороны в сторону.

Что же ей выбрать?

Спешно прибыв в дом ночью, Юни ещё не успела познакомиться с членами семьи, а значит её выбор сейчас напрямую повлияет на произведённое первое впечатление. Да, это конечно далеко не единственный повод для беспокойства в сложившейся ситуации, но возможно правильная одежда зачтётся Юни в будущем. Одеться она в нечто неподобающее статусу и Жозефина, вместе с неизвестным наследником, несомненно отпустят замечание касательно воспитания Юни. Слишком консервативный наряд расстроит графа, желающего покрасоваться дочерью. Определиться с правильным балансом то ещё испытание.

“Как насчёт этого?”

После некоторых колебаний, Юни остановилась на алом платье.

Вероятно излишне вызывающий цвет для домашней встречи, но с бледной кожей Юни более спокойные тона смотрелись бы скучно. Если прежде она всегда стояла за спиной господина и неприметный вид был обоснован, то сейчас, напротив, пришла пора идти наперекор инстинктам. С этой мыслью в голове, Юни нацелилась на оттенки красного, цепляющие взгляд и не слишком экзотичные.

Помогающая девушке облачиться в новое платье горничная лучилась радостью.

“Восхитительный выбор, чего и следовало ожидать от той, в чьих венах течёт кровь высшей аристократии.”

Вспышка эмоций, которая, если разобраться, слабо походила на комплимент. Благодаря своей родословной Юни здесь и оказалась. Теперь она лучше понимала господина, вынужденного скрывать большинство достижений, дабы не привлечь внимание власти. Сколько же нюансов она бы предпочла не замечать, сколько вещей не делать.

Конечно у горничной не было злых намерений. Для человека, приставленного к неожиданно нашедшейся дочери графа, она вела себя более чем добродушно, может чуть наивно. Даже без крохи магического таланта, вернись они домой, Юни с удовольствием взяла бы её в подчинённые, естественно, после процедуры промывки мозгов.

Пока же Юни в очередной раз предалась праздным размышлениям, опытная прислуга уже вносила финальные штрихи.

В зеркале отразился одновременно знакомый и чужой образ.

“Миледи, вы выглядите восхитительно! Сомневаюсь, что на всём континенте найдётся девушка грациозней вас. Граф будет доволен.”

Юни продолжала смотреть в зеркало, если не сказать сквозь него, пропуская мимо ушей лесть прислуги.

Мимолётный отпечаток Анны - Марии, оставшийся в обрывках её воспоминаний, обрёл очертания и стоял перед Юни. Это объясняет лепет мадам Жозефины о призраке на приёме. Незначительные различия в деталях, другая длина волос, но в целом она выросла копией матери. Возможно именно стандартное для Юни безэмоциональное, мертвенное выражение лица и послужило причиной разговоров о призраке.

Так ли ошиблась графиня, испугавшись потустороннего. Карма, передавшая всю глубину обиды женщины, угодившей в преисподнюю, через отражение её наследия.

--Будет забавно посмотреть за её приветствием Анриетты Картан в кругу семьи.

Не без труда, но Юни удалось проглотить пропитанные желчью слова, рвущиеся наружу.

...Что - то с ней определённо не так. В нормальном состоянии она бы даже не задумалась о столь вульгарном и ничтожном поступке.

Сейчас для Юни важнее всего просто плыть по течению, избегая критичных ошибок. По - крайней мере до исполнения плана Д.

"--Прежде чем мы приступим к завтраку, я должен кое - кого вам представить... входи."

Вслед за словами графа дверь в столовую распахнулась и внутрь зашла, изящно поклонившись, юная леди.

"Прошу любить и жаловать, моя дочь - Анриетта."

"...Меня зовут Анриетта Пола-- Приятно с вами познакомиться."

Подхватила представление графа девушка, опустив голову.

Стоявшая позади неё горничная не могла нарадоваться чистоте голоса и элегантности молодой госпожи. Свалившаяся как гром среди ясного неба новость о возвращении графа с давно утерянной дочерью поначалу шокировала её. Дальше больше, горничную наградили или наказали должностью личной прислуги молодой госпожи, так что та, на секунду забыв о манерах, лишь промычала в ответ нечто нечленораздельное. Тем не менее, сразу же по знакомству дочь графа произвела на неё исключительно положительное впечатление, очаровав неземной красотой.

Кожа подобная белоснежной лилии и захватывающие в плен глаза – изумруды. В совокупности с чуть пухлыми губами цвета спелой вишни и прямым тонким носом она больше походила на ожившую статую чем на реального человека. Отдых и макияж, сменившие бледность от истощения, присущие девушке ночью, завершили образ, сделав его божественно ослепительным.

(Поговаривают будто она родилась от любовницы необычайной красоты, но, боги милосердные, дочь выросла ещё краше матери.)

Страшно представить, что творится в голове официальной жены, увидевшей в глазах потомка свою соперницу. После всех то историй о ревностном характере Жозефины.

Дворецкий, официанты, её сводный брат, все они потеряли дар речи от восторга. Кто – то из горничных, подобно ей, смущённо отвернулся, осознавая разницу во внешности, кто – то, напротив, не скрывал зависти.

За исключением одного человека,

(Вау... отдаю должное выдержке мадам...)

Мадам Жозефина резко побледнела и вздрогнула. До неё доходили слухи о позднем возвращении супруга в компании леди Анриетты. Теперь же он радовался как дитя, столкнув её лбами с ребёнком любовницы. Никогда прежде мадам Жозефину не унижали сильнее, ведь именно она выступила инициатором скандала одиннадцатилетней давности и почти весь рабочий персонал знал эту историю.

“Вряд ли я расскажу вам что – то новое, моя дочь понесла незаслуженное наказание за проступок, совершённой её матерью. Однако, повторное слушание Верховного Суда, которое состоится в ближайшие дни, непременно уладит возникшее недоразумение и тогда Анриетта официально войдёт в семью. Пожалуйста, не обижайте её.”

Каждое слово графа падало щепоткой соли на незажившие раны мадам. Он словно обращался лично к ней, упрекая в ошибках прошлого. Ужаснейший удар по гордости и авторитету первой жены. Конечно же столь бестактное поведение переполнит котёл ревности Жозефины.

(Ох, надеюсь госпожу грядущая бойня обойдёт стороной.)

Впрочем, желание горничной было изначально неисполнимо. Прежде Жозефина обвинила Анну – Марию в прелюбодеянии и самолично выгнала на улицу. Наивно надеяться, что она примет с распростёртыми объятиями молодую и улучшенную копию. О нет, эта женщина определённо сорвётся в любой момент.

Будучи приставленной к Анриетте, горничная не могла отойти в сторонку и прикинуться

ветошью и поэтому чувствовала себя неудобно на этой молчаливой войне.

“Анриетта, где мои манеры, присаживайся, дорогая.”

“Хорошо... папа.”

Вместе со звуками, срывающимися с губ девушки, взгляд графа размывался и терял обычную для него суровость.

Не в его возрасте поддаваться сантиментам, но как устоять, когда прекраснейшее из созданий называет тебя ‘папой’. В конце концов, он потерял дочь задолго до её зрелости. Может он по – крайней мере позволить себе широкую улыбку.

Надолго ли хватит мадам Жозефины, с головой выдавшую себя покрасневшими и опухшими глазами?

Постаравшись выкинуть из головы неподвластные ей вещи, горничная помогла Анриетте сесть за стол, отодвинув стул.

“Если позволите, я бы хотел поднять бокал... дабы отпраздновать возвращение моей дочери.”

Итак, завтрак начался с тоста графа.

Всё прошло на удивление спокойно. Глава семьи обошёлся без традиционных прочисток горла, постоянно посматривая на дочь, будто боясь её пропажи, а его супруга без не менее привычного ворчания, постоянно оглядывающаяся, приоткрывавшая рот и всё же не решившаяся начать разговор.

Вероятно мадам планировала отпустить пару едких замечаний касательно поведения Анриетты. К сожалению для неё, девушка вела себя безупречно и даже пила, не производя не единого звука.

Вроде бы до недавнего времени госпожа работала горничной у какого – то аристократа, возможно нахваталась там? Как не крути, а манеры Анриетты заслуживают лишь одного слова – безупречно.

С другой стороны, старший сын мадам, наследник рода, звенел приборами и даже звучно хлюпнул холодным супом.

Притворно кашляет

“П-прости, отец.”

Добил же парня собственный отец, кашлем обозначивший недовольство. Не зная деталей сложно угадать, где родной ребёнок, а где ‘приёмыш’.

Горничная вновь задалась сторонним вопросом – насколько разумно баловать дитя, даже если то рождено чудесным образом на грани старости. Воспитанием мальчика занималась непосредственно мадам Жозефина. На выходе - гипер - опека и потакание любым вредным привычкам, ввевшимся в мальчика столь крепко, что теперь уже никто не брался за его обучение.

Боявшиеся гнева хозяйки горничные удержались от ухмылок, но всё же периодически переглядывались между собой.

Впрочем, она их веселья не разделяла. Вскоре мадам Жозефина начнёт в открытую срываться на объекте своих бед и это не может не отразиться на личной слуге.

Трапеза подошла к концу и графиня, наконец, сделала первый залп.

“...Анриетта.”

“Чем могу помочь, мэм?”

Беги, подумала она. Заседание ещё не состоялось и, теоретически, Анриетта пока не избавилась от клейма. Она не имеет права обращаться к жене графа как к ‘мачехе’ до входа в семью.

Хотя, использованные слова тут роли не играют. Мадам Жозефина намеревалась раздуть конфликт и она обязательно найдёт повод.

Графиня вздёрнула брови.

“Признаться, я никак не ожидала увидеть столь элегантную девушку.”

“Премного благодарна. Могу ли я узнать почему?”

“Конечно, это не секрет. За исключением внешности, твои манеры не идут ни в какое сравнение с выходками матери. Она, кажется, даже на стуле сидеть правильно не научилась.”

“...Жозефина!”

Графа Картан не на шутку возмутила ремарка, отпущенная супругой. Жозефина упомянула конкретно их последний разговор с Анной – Марией. Поражённая начисто лживыми обвинениями в связи с другим мужчиной та вроде бы упала со стула. Если мадам действительно всё придумала, подкосившиеся ноги - это ещё хорошая реакция. Горничная на её бы месте в лучшем случае упала в обморок.

Остаётся только поражаться ревности и высокомерию мадам. В присутствии графа высказать подобное его дочери, вернувшейся меньше суток назад? Как бы уверенно она себя не чувствовала на позиции официальной жены, почему не подождать, атаковав падчерицу наедине?

Удивила и Анриетта, выслушавшая речь Жозефины с недогнущим лицом.

“В память о матери я постараюсь не посрамить честь семьи.”

Достойный, скромный ответ. Не огрызнулась напрямую на бывалую хищницу, но и показала, что готова защищать имя матери.

В зале послышались удивлённые вздохи. Несомненно, после сегодняшнего утра многие пересмотрят своё отношение к ней от бастарда до весьма утончённой леди. Изменились в лице и многие горничные.

Прошлой ночью, измотанная морально и физически, Анриетта просто молча уснула. Посчитав её забитой девчонкой, они заранее поставили крест на противостоянии дочери и жены графа. Тем поразительней контраст.

Вышли на ничью, сейчас то точно стоит отступить, но разве мадам на взводе прислушается к доводам разума. Будучи единственной женщиной в новообразованном роде Картан, Жозефина привыкла связывать свой образ с женой графа, хозяйкой семьи, и никак иначе. Единственный приемлемый ей способ пойти на мировую подразумевал падение ниц её оппонента с обязательными мольбами о прощении.

“...И острым язычком не обделена.”

“Благодарю.”

“Хорошо же тебя обучил... как его... второй сын Обениэль.”

Послышалась вторая волна возбуждённых охов.

“О-Обениэль?! Второй сын!?!?”

Горничная прикрыла рот ладонью, отчаянно боясь сболтнуть лишнего.

Второй сын Обениэль. Небезызвестная фигура в столичных кругах. Понятное дело и простолюдины, прислуживающие аристократам в их поместьях слышали хотя бы обрывки этих леденящих кровь историй.

Как минимум горничная наслушалась предостаточно.

Талес Шернан Обениэль. Также известный как Убийца Рабов и Змей – Людоед. Дьявол, покупавший рабов пачками, убивавший их через жуткие мучения и наконец закапывавший останки в собственном саду. И всё это до достижения десятилетнего возраста. Походит на страшную историю, после которой всю ночь снятся кошмары, вот только историю совершенно правдивую.

Такое имя не следует произносить во время еды.

Первым проявил себя выросший трусом наследник семьи, жутко побледневший, прикрывший рот салфеткой дабы не закричать от страха. Его можно понять. Если мадам Жозефина вновь не перетасовала факты, Анриетта работала на монстра, от одного упоминания которого у людей волосы дыбом вставали. Не такого внимания она хотела для новой госпожи.

Жозефина же лучезарно улыбалась. Ещё минуту назад видевшие в Анриетте утончённую и умную леди, собравшиеся сейчас хотели просто быстрее убраться из комнаты, испытывая лишь отвращение. Приём мадам однозначно удался.

“Вы совершенно правы, мэм.”

Тем эффектней выглядел невозмутимый ответ Анриетты.

Триумфальное шествие графини оборвалось толком не начавшись. Даже граф выронил вилку из рук со звоном ударившуюся о тарелку.

Едва уловимо пройдясь ладонью по глазам, Анриетта продолжила говорить:

“Госпо-- прошу прощения, он тот, кто исцелил меня и подарил новую жизнь.”

Последовавшую реакцию мадам иначе как бурной не назовёшь.

Скатерть соскользнула со стола, увлекая за собой приборы и посуду. Сжавшимися добела кулаками, графиня зацепила края ткани, импульсивно дёрнув на себя.

Хруст стекла и звон металла надолго заполнили комнату, выгоня прочь устоявшуюся там тишину.

“Мэм, с вами всё хорошо? Выглядите болезненно.”

Иного и не скажешь. Лицо Жозефины покрылось крупными каплями пота, а, казалось, увеличившиеся вдвое глаза окрасились в красновато – коричневый цвет, напоминая лягушачьи. Не использовала ли Анриетта некое заклинание или проклятье, превратившее мадам в злую жабу?

-- исцелил меня и подарил новую жизнь.

Как много вложено в единую фразу? Уловила ли мадам послание в этих словах? Изгнание Анны – Марии из дома на задворки города, напрочь лишённые общественного порядка, несчастный случай, пропавшая с ней связь. Вряд ли графиня удовлетворилась одним изгнанием конкурентки. Если же её совесть относительно чиста, откуда столь бурная реакция? Говоря откровенно, для женщины, страдающей ревностью, ‘нормально’ желание не только отделить любовницу от мужа, но и, для верности, покончить с ней, не говоря уже о общем ребёнке.

“Жозефина, ты...”

Червячок подозрения, все эти годы живущий внутри графа, активно пробивался наружу.

От её крика, походящего на животный рёв, плечи мадам сотрясла дрожь.

Все присутствующие находили поведение графини странным, если не сказать подозрительным. Особенно иронично это выглядело на фоне наследника семьи. Уж кто – кто, а он знал повадки матери лучше всех.

Ответ Анриетты и волна общественной неприязни опять отскочило в обратную сторону, ударив по самой мадам. Возможно зря она сразу полезла на территорию табу – намекнула на связь со вторым сыном Обениэль.

“...Мне и правда нездоровится. Пожалуй, я вернусь в комнату...”

Мадам чуть ли не подскочила с места, ринувшись к выходу из обеденной залы. Резкие движения опрокинули стул, смачно грохнувшийся об пол. Забавное совпадение, после её замечания о манерах Анны – Марии.

Отдышка

Кинув последний, пропитанный злобой взгляд, в сторону Анриетты, Жозефина переступила

порог.

В комнату же вернулась та самая невыносимая тишина и атмосфера удушающего страха.

Граф беззвучно вздыхал, его старший сын вцепился в вилку и нож, будто под гипнозом смотря в пустоту. Тарелка, ему предназначавшаяся, лежала на полу в виде осколков.

“Я хотела бы извиниться перед всеми. Мне оказали честь, пригласив на завтрак, а я всё испортила.”

Встала и поклонилась Анриетта.

“Подними голову, дорогая. Не говори о завтраке как о каком - то невероятном событии. Теперь это и твой дом, ты одна из нас, хорошо?”

Мягко, убаюкивающе сказал граф. Поведение недопустимое для человека его статуса, но абсолютно понятное с человеческой стороны.

Анриетта, словно получив разрешение, тут же распрямилась.

“Не передать словами мою благодарность гра--... вам, отец. К сожалению, я вызвала гнев мадам и теперь должна как можно скорее извиниться перед ней--”

“Нет, нет, твоё устремление безусловно похвально и этого более чем достаточно. Я передам супруге самые тёплые пожелания от тебя. Думаю, так будет... безопаснее.”

“...Прошу простить за принесённые неприятности.”

Вновь поклонилась девушка.

Тем не менее, Анриетте удалось скинуть урегулирование конфликта на графа. Да, как объект ревности он далеко не лучший кандидат для разговора с разъярённой женщиной, однако, это всё ещё лучше общения графини с падчерицей. Горничная не знала - планировала ли Анриетта всё заранее или так совпало, в первом случае отыграла она мастерски.

Затем, Анриетта подошла к ‘брату’. Очарованные каждым её движением, присутствующие лишь молча наблюдали за развитием событий.

“...”

Что - то прошептала она, коснувшись осколков тарелки.

На доли секунды время обратилось вспять, возвращая предмету изначальную форму.

“М-магия?!”

Поразительно. Граф Картан начинал с самых низов и достиг звания придворного чародея, было бы логично ожидать определённых способностей от его дочери. Но, подумать только, восстановить тарелку до идеального состояния без сложного напева.

“Форма вернулась, правда теперь с ней нужно обращаться аккуратнее...”

Закончила представление Анриетта, положив тарелку обратно на стол.

“У-у-удивительно, сестра! Полно тебе скромничать! Дай – ка посмотрю. Вау, даже рисунок один в один!”

Повысил голос наследник с сияющими от восторга глазами.

“Нет, по сравнению с отцом, придворным магом, моя работа не более чем показушничество, фокусы. Я плохо закрепила осколки.”

“Ха – ха, сынок прав, не надо скромничать!”

Немного... истерично? хихикнул граф. Возможно его превосходительство не способен на лету чинить предметы подобно Анриетте. Девушка же, бросив последний мимолётный взгляд на брата, обернулась ко входу, хлопнув в ладони стоящим там слугам.

“Чем можем быть полезны, леди Анриетта?”

“Упавшая тарелка запачкала одежду моего брата... Пожалуйста помогите ему привести себя в порядок и принесите сменный наряд.”

В её звонком и вместе с тем мягком голосе чувствовалась сила; сила, не приемлющая возражений.

Должно быть она привыкла командовать.

“Мои извинения, миледи.”

Проямлил один из них, застывших в недоумении.

“Приберегите извинения для брата. Сколько ещё вы намерены держать наследника семьи в неприглядном состоянии?”

“Д-да, сейчас всё исправим!”

Дрожащий от страха, слуга подбежал к старшему сыну, держа в руках носовой платок.

“Эмм... сестра, ты не перегибаешь? Я мог бы и сам справиться.”

Спросил он с всё нарастающим удивлением в глазах.

“...Ничуть.”

Мотнула головой Анриетта.

“Долг слуги – следить за сохранением безупречного внешнего облика господина. Пятно или грязь на одежде в первую очередь говорят о профессионализме обслуживающего персонала, тем более, что в семье графа я ожидала увидеть наивысший уровень мастерства.”

“Т-твоя правда...”

“Не стесняйтесь применять меры если подобное повторится. Великодушие определённо входит в число добродетелей аристократа, однако, благородная кровь должна вести за собой людей и указывать на их ошибки... они ведь явно работают в доме дольше чем здесь нахожусь я. Уверена, урок усвоен и впредь ошибки не повторятся.”

Аргумент равнозначно железный и жестокий.

Ещё вчера Анриетта сама выступала в роли горничной, естественно она оценила труды коллег ‘по привычке’.

(Ох, нельзя расслабляться.)

Повторяла про себя личная слуга дочери графа. Уж за ней Анриетта будет следить пристальней всего, а главное та имеет право и опыт для надлежащих выговоров. Устроенный минутой ранее разнос покажется для неё детским лепетом, допусти она ошибку наедине с госпожой.

Невероятно красивая и пугающая Анриетта отпустила поклон главе семьи.

“...Прошу прощения если позволила себе лишнего, всё – таки я новенькая в доме, к тому же

ещё не прошла через судебный процесс...”

“Ха, хахахаха...”

Чуть увереннее рассмеялся граф.

Всё же в его голосе имелись оттенки смущения, нервозности, но преобладала таки радость.

“Глупости, это было великолепно! Подписываюсь под каждым сказанным словом. Я невероятно горд тобой.”

“Благодарю за похвалу.”

Восхитительно.

С точки зрения горничной, к первому выходу в свет леди Анриетты невозможно придаться. Превосходные манеры, умеет показать признательность и дать отпор не в меру ревливой супруге, очаровала брата, по делу отчитала прислугу. Не говоря уже о магическом таланте, ожидаемом от ребёнка придворного мага.

Высший же класс состоим в том, что всё сделанное Анриеттой выглядело предельно естественно, она даже ни разу не повела плечами или сгорбилась, держа осанку.

Возможно и в королевском дворце никогда прежде не видели красоты подобной её.

(...Мне повезло находиться рядом с кем - то невероятным.)

Подумала горничная, услышав искренний смех и улыбку всегда сурового графа.

Закрыв дверь своей комнаты, она облегчённо выдохнула.

Ей некомфортно играть аристократа, тяжело двигаться в этих одеждах и, что самое мучительное, ощущать пустоту на шее.

Приятный вес серебра, отобранный у неё. Доказательства её связи, контракта с ним, память о одиннадцати годах, проведённых вместе.

Её господин уничтожил это. Ошибки быть не может. Если бы она только помнила своё

прошлое, если бы только могла рассказать господину – кошмара не случилось бы. Он бы сумел предотвратить ныне случившееся.

Анриетта Пола Картан – призрак из прошлого, не имеющий ничего общего с ней настоящей.

Виной ли тому пережитый стресс или обстановка, в которой она оказалась, воспоминания начали понемногу возвращаться: жизнь с матерью, редкие визиты отца и его залихватистый смех... день, когда её тело и душу бесповоротно сломили.

В один из дней их с матерью буквально выставили на улицу. Совсем маленькая девочка ещё многого не понимала в творящемся хаосе, однако, на завтрак Жозефина практически призналась. Далеко не случайные бандиты напали на Анну – Марию, дав повод Жозефине обвинить соперницу в легкомысленных действиях. Для молодой же Анриетты тот день запомнился лишь плохим настроением матери. Как бы то ни было, шестилетний ребёнок всё равно ничего бы не изменил.

Их отправили в трущобы и прежде чем мать с дочерью успели мало – мальски свыкнуться с бесчеловечными условиями жизни там, на сцене вновь появилась Жозефина, в компании мужчин далёкой от приятной наружности.

Ревность подталкивала её продолжить преследование любовницы графа и их ребёнка. Шлюха навсегда останется шлюхой, сказала она. Цепляешься как паразит за мужчину, лишь мешая ему подниматься, харкала ядом Жозефина. В общем, всячески старалась приукрасить простейшую злость пафосными речами о достоинстве.

Затем, по её сигналу, мужчины набросились на мать. Издавая звуки, похожие скорее на звериные, они с нескрываемой радостью, азартом, издевались над ней.

Даже когда всё вроде бы закончилось, графиня обратила свой взор на Анриетту. Видимо не насытившись до конца страданиями матери, Жозефина подошла к дочери, не сдвинувшейся ни на сантиметр с начала расправы.

Она тщательно и последовательно уничтожала облик девочки. Ломала кости и намеренно сращивала их неправильно магией, дабы получить в итоге бесформенный кусок плоти. Наконец, удовлетворившись проделанной работой, графиня достала зеркало, насильно распахнула веки девочки и показала её отражение.

В тот момент Анриетта Пола Картан умерла и причиной тому стала даже не устроенная Жозефиной засада, не тело матери, застывшей в одной позе на земле.

Она мечтала вырасти прекрасной женщиной.

Мечтала найти настоящую любовь.

Мечта о свадьбе, которая запомнится на всю жизнь.

Чистое, невинное и по – детски наивное желание, унаследованное от матери. Соломинка, удерживавшая её на плаву.

Она перестала ассоциировать себя с человеком, когда её мечты переросли в несбыточные фантазии.

Придя в себя спустя неизвестное время, она обнаружила вокруг себя клетку. Подобно свинье, заколотой и выброшенной на рынок.

Пока не встретила его.

“...Эй, как тебя зовут?”

Зависнув в тумане, между болезненным сном и ещё более трагичной реальностью, она смутно слышала мальчика, говорящего где – то неподалёку. Анриетта – человеческое имя, не подходящее грязному куску мяса вроде неё. Поэтому она ответила честно, что не знает.

Израсходовав крохи энергии, еле теплящиеся в изуродованном теле, она снова отключилась, не дослушав слова мальчика.

В следующий раз она пришла в себя уже в тускло освещённом подвале. Полностью лишённая подвижности, она одними глазами отслеживала движения мальчика, что – то делавшего с её лицом. Боль не заставит её заплакать. Она лишь мертвец, чьё сердце по ошибке продолжает стучать. Оболочка человека. Ей уже без разницы, пусть хоть на куски порежет. Она желала просто уйти, навсегда, а спустя несколько секунд странный запах, ударивший в нос, ответил на её немую мольбу.

Это продолжалось на протяжении недели.

“--Утречка, номер один. Сегодня снимаем бинты!”

Она, как всегда, молча смотрела на него.

Значение многих слов, произносимых мальчиком, ускользало от неё.

Шесть лет жизненного опыта утонуло в пелене посттравматической амнезии. На тот момент она в принципе не умела взаимодействовать с людьми.

Без каких - либо намёков на манеры, мальчик грубо толкнул её в кресло,, приставив к лицу зеркало. Когда - то Жозефина воспользовалась этим инструментом, дабы сокрушить её душу. В прошлой жизни, в жизни девочки с целым сердцем и разумом. Сейчас же она безмолвно выполняла любые его указания, тем не менее, инстинктивно зажмуривая глаза, боясь увидеть отражение.

“Неплохо получилось...”

Услышав его, она таки бросила несмелый взгляд на зеркало.

Зеркало, показавшее лицо, утраченное ею неделю назад.

Её переполняли эмоции.

Стоп. Изуродованная, умершая внутри, она утратила ассоциации с той внешностью. Правда заключалась в том, что миловидная девочка, смотревшая на неё с той стороны, была совсем другим человеком. Другим, невероятно взволнованным, человеком.

“Хорошо, что ты здесь.”

“Я рада, что ты здесь.”

Будто кричали глаза девочки из зеркала.

Её повседневный уклад был стёрт в труху, едва не лишённая самой жизни, достоинство украдено, мать мертва, а тело изуродовано. Благодаря ему, она снова дышала.

Пустой кокон Анриетты вновь ощутил тягу к жизни. Она не пробудилась, скорее родилась заново.

Подвал стал чревом, вытолкнувшим её в новую жизнь. Заражённая настроем мальчика, она более не хотела возвращаться во тьму.

Её голос кидало из стороны в сторону.

“Б-большое с-спасибо...!”

Первыми же словами она от всего сердца поблагодарила его.

Благодарила за помощь.

Благодарила за проявленную им радость.

Благодарила за то, что находится здесь.

После несколько неуклюжего осмотра, он обнял её.

“...Пустяки, это я должен сказать тебе спасибо!”

“Ты - молодец!”

“Когда ещё бы мне представилась возможность опробовать столько концепций на практике!”

Захваченная теплом его тела, его запахом, она навечно отпечатала в голове эти слова.

Её сломанное сердце сошлось воедино. Одно из немногих сильнейших чувств, просочившихся через все жизни девочки. Возможно оно зовётся любовью.

Её разум постоянно возвращался к дню их ‘знакомства’.

Это и не удивительно, учитывая, что с ним она прожила вдвое дольше нежели под именем Анриетта.

Она была частью конструкции, обязанной принести ему счастье, удовлетворить потребности, помочь в достижении целей.

Эти принципы существования давно и накрепко стали её нерушимыми постулатами.

Однако, у неё отобрали и вторую жизнь.

Ошейник, доказывавший принадлежность к нему, исчез с шеи.

Горечь и одиночество, перемежаемые воспоминаниями о последних словах господина. Голос, услышанный ею уже на пороге комнаты.

“...Да, да! Абсолютно верно! Быстрее вернёмся, быстрее покончим с делами!”

Вероятно он обращался к Дью или маркизу Лаваллье, но потаённый смысл послания

предназначался ей, утаскиваемой графом в коридор. Для человека, всячески избегающего пустых жестов, он не мог случайно поднять голос.

Быстрее вернёмся, быстрее покончим с делами. То есть, они отступают без неё. Господин приказал ей исполнить свою роль в соответствии с планом Д, за неимением возможности присоединиться к остальным.

Ей требовалось погибнуть в грядущем хаосе, дабы обстоятельства не походили на самоубийство.

При мысли об этом у неё сжало в груди.

Ах, мой господин такая--

(--такая чувствительная натура.)

Он очевидно рисковал перед Маркизом, разрешая ей покончить с собой, как бесполезное существо, угрожающее планам господина. Более того, чтобы избежать подробного расследования, он даже создаст ситуацию, в которой одна смерть померкнет на фоне общей картины.

Ей не придётся мучиться годами. Да, она не хотела умирать, но жизнь вне служения господину ничуть не лучше мусора, не важно длительностью сотню или тысячу лет. Гора мусора никогда не превратится ни во что иное. Как истинную слугу, её должны были истребить на месте. Тем поразительнее великодушие господина, позволившего ей сделать всё самой.

Попавшись из - за своей некомпетентности и получив благословение господина она просто обязана напоследок спутать планы графа Картан. Она твёрдо решила перед смертью вернуть хотя бы частицу долга.

Она выполнит задачу, даже без ошейника.

И сейчас надо...

“Прошу прощения.”

“Ох, да - да. Чем могу помочь, миледи?”

Она обратилась к приставленной горничной.

“...Стены комнаты давят на меня, могу ли я прогуляться по дому?”

“Конечно! Пожалуйста! Пожалуйста, развейтесь. Цитируя господина, это и ваш дом тоже.”

Значит с передвижением проблем не возникнет.

Не помешает заранее изучить планировку дома, желательно без провокаций графа на сторонние подозрения, подумала она.

Горничная взяла её за руку, открыв дверь.

“Должно быть леди впервые видит поместье?”

“...Да.”

Она бывала здесь раньше, но на фоне упомянутого за завтраком скандала и провалов в памяти, её вчерашний приезд можно считать первым визитом в дом отца.

“Не слишком ли нагло с моей стороны будет предложить сопровождение?”

“Была бы признательна.”

Ожидаемо для нового рода, резиденция семьи Картан не слишком превосходила в размерах дом виконта. Впрочем, в столице вообще сложно найти пустое место. Улицы ощущались тесными из-за стен домов, нависающих со всех сторон. Скорее всего новичку просто не хватило земли для постройки чего-то масштабнее.

Это бы отчасти объяснило более чем солидные премии, выплачиваемые графу короной. В помещениях хватало изящной мебели и предметов искусства. Пожалуй величайшим же для семьи сокровищем считался массивный портрет графа, нарисованный каким-то юным гением. Названное горничной имя показалось ей знакомым. Она видела его под иллюстрацией в одной из книг господина. Человек, изучавший анатомию ради созданий реалистичных портретов. Граф осуждал господина за эксперименты над рабами, но нанял человека из того же теста, дабы угодить своё тщеславие. Она не знала смеяться ли над этим или грустно вздыхать.

Перенасыщенность пространства картинами, к сожалению, не украшала дом, ибо в глаза отчётливо бросалась их разнородность. Единственное объяснение подобной безвкусице – это скупка наугад чего-то проходящего под заголовком ‘дорогое и модное’.

“...Кто покупал все эти картины?”

Решилась спросить она.

“Эм, мадам... миледи они не пришлись по вкусу?”

Тогда всё понятно. Жозефина ведь следовала за графом с самых низов. По сути она гораздо ближе к простолюдинам, чем к благородным, получив титул только после успеха супруга. Свалившееся на неё богатство побудило скупать без меры ‘статусные’ вещи, а ревность или ненависть по отношению к женщинам низкого положения обуславливается схожестью с ней..

“Я не эксперт в искусстве.”

Конечно она ответила уклончиво, у стен есть уши и открытая критика способна привести к проблемам в будущем.

“Ого, значит миледи не идеальна во всём?”

“Я всего - лишь человек.”

По правде, любовь к искусству мало коррелирует с человечностью или статусом объекта. Опус - 4, всячески изображающий из себя аристократа, совершенно равнодушен к любым проявлениям творчества. В Фэм заложены только данные, необходимые для ведения боевых действий. Долгожитель Дрей хорошо осведомлена только касательно культуры тёмных эльфов. Если прикинуть, среди её бывшего круга общения лишь Виктор и... господин более - менее разбираются в вопросе.

Господин безразличен к эстетике и всевозможным декорациям, но необычайно одарён как творец. Сделанная им экипировка была продумана до мельчайших деталей и выглядела безукоризненно, не говоря уже о творениях вроде Фэм, чьи глаза способны завораживать одним видом.

За пропитанными сантиментами воспоминаниями о прошлом, они закончили экскурсию по поместью. Ну, с домом ему не тягаться. Просто совокупность комнат, заставленных дорогими и никак не сочетающимися друг с другом вещами. На просьбу показать служебные помещения горничная заметно замаялась, якобы нечего леди смотреть в подобных местах. Учитывая общую компактность дома, слугам вряд ли выделили нечто больше тесных коморок. Возможно даже горничные - рабы в Марлане живут в более комфортных условиях.

С другой стороны, здесь имелась лаборатория, отсутствующая в планировке других знатных домов. Правда, отстроенная скорее для галочки и выглядящая крайне неказисто. Первый подвал господина был просторнее. Она заметила похожий расклад и в институте за рубежом. Господин прав, маги этого мира поголовно недооценивают алхимию.

“--Тем более! Я хочу как можно быстрее увидеть результат!”

От очередной порции размышлений её отвлек истерический визг, раздавшийся за соседней

стеной.

“Миледи, вы в порядке?”

Идущая позади горничная в недоумении взглянула на неё. Должно быть сказались десятки часов тренировок с авантюристами, чья чуткость слуха во много раз превосходила среднестатистический уровень.

“Это наглая ложь! Мы даже не знаем Анриетта ли она вообще!”

Прозвучал голос, несомненно принадлежащий Жозефине, а значит её собеседником выступал граф Картан. С кем ещё в доме ей обсуждать столь деликатные вопросы.

“Можешь орать сколько угодно, но пока я глава семьи и я принял решение! Ребёнок остаётся с нами.”

“Глава, обманутый какой – то потаскушкой! Наверное она одна единственная темноволосая и зеленоглазая во всём Брюссонне? Удобно получается, потерявшаяся десять с лишним лет дочь вдруг объявляется именно сейчас...”

Фыркает “Точь в точь слова убийцы рабов.”

“Что?! Что ты сказал?!”

Жозефина от возмущения перешла практически на писк.

Схожие эмоции испытывала и она. Граф заставил господина освободить её, а теперь отзывается о нём в презрительном ключе. Как минимум она до сих пор жива только благодаря господину. Плюс то, что граф не кривя душой способен назвать дочь милой также заслуживает благодарности господину.

“Ой... господин и мадам?”

Повышение тональности голоса графини не осталось не замеченным для горничной.

“Ну послушай ты меня, пожалуйста! Ребёнок твоей любовницы вызовет раскол в семье! Ещё не поздно забыть этот день как страшный сон! Немедленно сожги обращение в суд!”

Что ж, по – крайней мере касательно сохранности семьи мадам не врала. Нынешний наследник выглядел откровенно нелепо. Ему бы поучиться у господина, умеющего в нужный момент прикрыть все недостатки маской аристократа. Над законным же ребёнком насмехались даже

слуги. И тут появляется второй ребёнок. Да, теоретически, дочь не может сместить сына в гонке за власть, однако, на это способен её супруг.

Дабы избежать осложнений в будущем, Жозефина предлагала не признавать ребёнка. У большинства решений имеются последствия и если мы заранее осознаём их негативность не разумнее ли поступить иначе или устранить корень проблемы.

Очарованный красотой, а затем и поведением дочери граф упорно отказывался принимать нецелесообразность своего поступка.

“Достаточно! Продолжишь спорить и я буду вынужден перейти от слов к действиям!”

“Каким ещё действиям?”

“Если уж мы заговорили о пользе для семьи, выбирая между тобой и моей девочкой--”

“Дорогой?! Ты же не собираешься--”

...Ожидаемый ход. Граф пригрозил Жозефине ‘изгнанием’, а на какое дно упадёт авторитет наследника без поддержки матери? Не говоря уже о многочисленных ‘наблюдателях’ с удовольствием воспользовавшихся бы слабостью семьи в личных интересах.

Альтернативный вариант разрешения конфликта - отдать дочь замуж за представителя семьи, не имеющей интереса к делам или имуществу графа. По сути наиболее разумный вариант, учитывая не прекращающиеся попытки графа узаконить место дочери.

Кто из кандидатов первым приходит на ум? Талес. Владеет максимально удалёнными от столицы землями, не уступает ей в статусе и, что немаловажно, имеет крепкую связь с ‘Анриеттой’. Граф, конечно, воспротивится, но вероятно маркиз Лаваллье давным - давно всё спланировал. Он сможет косвенно влиять на Марлан через семью Картан. При худшем же раскладе маркиз попросит графа оклеветать Талеса с целью добиться его казни. В любом случае старик останется в выигрыше.

Она и сама периодически задумывалась... фантазировала о свадьбе. Вот только Талес ни за что не согласится. Зачем обременять себя компанией бесполезной марионетки, известной как Анриетта Пола Картан.

Вот почему он намекнул на использование плана Д и приказал устроить всё как убийство.

(Не беспокойтесь, господин. Я вас не подведу.)

Сделает с радостью. Мечты о браке принадлежат остаткам Анриетты, не ей самой. В её

представлении о отношениях, любви не было ни намёка на тепло или нежность. Она хотела отдать всё, как хороший инструмент для умелого мастера. Быть парой, равными – это скорее возмутительно, нежели прекрасно.

Именно из – за этих остаточных привязанностей её, стремившуюся стать идеальным инструментом, отделили от господина, вернув к положению бесполезного, беспомощного тела.

Дух прошлого, созданный и вновь пробуждённый Жозефиной, преследует её. Необходимо покончить с этим прежде чем она нанесёт непоправимый урон господину.

“Миледи?”

Встревоженное обращение горничной вернуло её к реальности.

“Это уже перебор...”

“Аа?”

“Давайте вернёмся. Не хотелось бы сейчас столкнуться с мадам в коридоре.”

Сказала горничная, настойчиво потянув за руку. О чём речь? Неужели подумала, что слова Жозефины задела её?

Исправлять возникшее недоразумение смысла, как и желания, не было. К тому же, когда она закончила свою мыслительную деятельность, они уже вернулись в комнату.

“Временами меня поражает жестокость мадам.”

Вздёрнув нос, сказала горничная.

“...”

“Обсуждать происхождение миледи... Да, она изображала вежливость, но по факту ведь приказывала ему! Это так эгоистично--”

“Стоп.”

Подняла она руку, тем самым шокировав горничную.

“Амм?! М-миледи! Я не хотела обидеть--”

Не дело слугам осуждать хозяев, тем более не в своём кругу. Тем не менее, она её не винула. Какая разница.

“Твои последние слова.”

“М?”

“Пожалуйста, повтори ещё раз.”

“Это т-так эгоистично--”

“Чуть раньше.”

“Нууу... я сказала, что она притворялась вежливой, но будто приказывала господину.”

...

Перед её глазами проскочила картина прошлой ночи. Последний разговор с господином.

‘Спротивлением ты только ставишь в неудобное положение нас обоих. Исполни свой долг.’

Допустим он намекал на использование плана Д, но ещё до этого? Слова, произнесённые им минутой ранее. Они были обращены... к дочери графа или всё - таки передавали ей последний приказ?

Если от неё просто требовалось правильно убить себя, достаточно одного упоминания плана Д. К чему лишние разглагольствования, как любит повторять Талес Шернан Обениэль.

Так в чём смысл?

‘--Первостепенный долг--’

Это то понятно. Потеря ошейника и разлука с господином потрясли её. Не удивительно, что он несколько раз повторил про необходимость самоубийства.

Что было дальше?

‘Как успокоишься, основательно подумай чем ты хочешь заняться--’

‘--впереди ещё долгий путь.’

(Аа...)

Долгий путь.

Это же совершенно противоречит приказу убить себя.

Он не собирался избавляться от неё.

...Ей не надо обдумывать самоубийство, но и не попусту тратить время, ожидая исполнения плана и отсчитывая часы до возвращения к господину?!

“...Ты - умница!”

“Да? Спасибо, но почему?”

Игнорируя удивлённо моргающую горничную, она уже в который раз погрузилась во внутренний мир.

Дура. Ответ лежал на поверхности, а она даже не смогла задать вопрос.

Это ошибка, сбой, существующий в ней долгое время. По возвращению домой она первым же делом исправит это в лаборатории.

(Господин...)

Разбитые части вернулись на место. Что - то похожее с ней случилось одиннадцать лет назад. Похожее, но немного другое.

В прошлый раз Анриетта превратилась в Юни.

Сейчас же Юни вернулась назад.

Вернётся к нему. Преодолев все трудности. Плевать на Картан или Лаваллье. Нужно подготовиться, пока время не пришло.

Они по - прежнему в Брюссонне, а в доме есть ‘это’. Здесь она росла и охотилась как Серебряный Волк.

Приняв решение, Юни улыбнулась уголками губ.

Всё начнётся сегодня ночью.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/2797/679742>